

ЭТА СМЕРТЕЛЬНАЯ СПИРАЛЬ

Продолжение следует...

**ЭТА
СМЕРТЕЛЬНАЯ
СПИРАЛЬ**

ЭМИЛИ СУВАДА

Freedom

Москва

2019

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

C89

Emily Suvada

THIS MORTAL COIL

THIS MORTAL COIL © 2017 by Emily Suvada

Сувада, Эмили.

C89 Эта смертельная спираль / Эмили Сувада ; [пер. с англ. О. Н. Норицыной]. — Москва : Эксмо, 2019. — 512 с. — (Young Adult. Антиутопия. Дети апокалипсиса).

ISBN 978-5-04-100173-5

После вспышки вируса, который буквально разрывает людские тела на куски, жизнь Катарины превратилась в кошмар. Ее отец, легендарный генетик, подаривший миру надежду на выздоровление, был похищен секретной организацией «Картакс».

Когда на пороге дома Катарины появляется тайный агент «Картакса», Коул, девушка понимает, что смерти не избежать. Но вопреки ожиданиям солдат приносит сообщение: убит ее отец. Перед смертью генетику удалось создать вакцину. И теперь Коулу нужна помощь, чтобы воспроизвести лекарство для спасения человечества. Вот только готова ли Катарина довериться врагу?

«Пугающий, насыщенный действиями дебютный роман Эмили Сувада, от которого захватывает дух...»

Publishers Weekly.

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Coe)-44

© Норицына О.Н., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо»,

ISBN 978-5-04-100173-5

2019

Эдварду,
моему лучшему другу, моей любви,
моему вдохновению.
Ты самый яркий локус¹
моего сердца.

¹ Локус — в генетике участок хромосомы, занимаемый одним геном.

ГЛАВА 1

В ЗАКАТНОМ НЕБЕ ПОЛЫХАЮТ ОГНИ, но дело не в облаках или пыли, а в переливающихся перьях странствующих голубей¹ с взломанным геном. Они парят в небе, словно живая картина импрессиониста, сливаясь в сверкающие оранжево-золотые дуги и водовороты. Их причудливые крики напоминают звон стекла, в которое бросили камешек, а движения невероятно синхронные, перекрывающие свет солнца.

Кодировщики-любители в Неваде восстановили ДНК давно вымершего голубя, а затем изменили ее, превратив невзрачную птицу во что-то неожиданное и привлекающее внимание. С острым как бритва кончиком клюва. Что-то, способное съесть все, что угодно. И меняющее цвет перьев одним движением, чтобы предупредить всю стаю об опасности.

¹ Странствующий голубь — вымерший вид семейства голубиных, который обитал в лиственных лесах Северной Америки. Птицы вели кочующий образ жизни, собираясь в огромные стаи по миллиону особей.

За годы работы они создали голубей, которые превзошли своих предшественников. Они стали стройнее, умнее, свирепее.

И выглядят как языки пламени.

Я склоняюсь над перилами крыльца хижины, прижимаюсь бедрами к дереву и, прищурившись, смотрю в прицел папиной винтовки. Издалека стая кажется размытым цветным пятном, но благодаря прицелу и моему зрительному модулю, обостряющему зрение, я могу различить крылья и грудные клетки птиц.

— Давай, птенчик, — нажимая на курок, выдыхаю я.

Выстрел эхом отражается от гор, а воздух наполняется запахом пороха. Я сделала его сама, используя дешевую второсортную серу, которую измелчила до крупиц и набила в цоколь дротика с транквилизатором, чтобы сбить птицу, не убивая ее.

Даже с помощью зрительного модуля я не могу уследить за дротиком, который со свистом пронзает воздух. Свист настолько высок, что звуковые фильтры приравнивают скорость полета ко второй звуковой. А значит, я снова ошиблась в расчетах. Я отвожу взгляд, но слишком поздно: успеваю заметить, как дротик врезается в голубя, и вокруг рассыпаются пучки цветных перьев.

— Черт возьми, — я взрываюсь, отставляя винтовку в сторону и не потрудившись поставить ее на предохранитель.

Теперь ее можно использовать лишь как тринадцатикилограммовое пресс-папье, потому что у меня закончились патроны. Ну, если не считать того, что висит у меня на шее. Но он только для крайнего случая.

Мертвая птица камнем летит вниз и приземляется на скалистый берег крошечного одинокого озера неподалеку от хижины. Стая мгновенно меняет курс, и тут же раздается пронзительный предупреждающий крик, который

отражается эхом от крутых горных склонов, напоминая автоматную очередь.

— Да знаю, знаю, — бормочу я.

Стая яростно разлетается в стороны, а их оперение становится малиновым, предупреждая об атаке. Но я не хотела причинять птице боль. Она должна была стать подарком. Мне хотелось, чтобы у соседки Агнес появилась компания, поэтому собиралась подарить ей маленького питомца с измененными генами. Но теперь придется хоронить птицу, потому что, черт побери, я не собираюсь ее есть. Мало кто ест мясо после вспышки.

За последние два года мы узнали то, чем не могли пренебречь: животные очень похожи на людей.

Деревянные перила крыльца скрипят, когда я перепрыгиваю через них, чтобы пересечь двор и отправиться к комку перьев у озера. Ветер заигрывает с травой, выросшей по колено, рисует рябь на воде, подхватывает крики голубей и смешивает вечерний холод с ярким, насыщенный ароматом леса.

Здесь дикие места. Эта уединенная долина, расположенная в глубине Блэк-Хилс, последние три года считалась моим домом и убежищем от вспышки. Озеро со всех сторон окружают горы, заросшие лесом, а моя ветхая бревенчатая хижина стоит всего в нескольких минутах ходьбы от берега. Она так хорошо укрыта от глаз, что вы вряд ли ее найдете, если не знаете, где она находится, но при этом от нее легко добраться до города даже на велосипеде. Учитывая происходящее, это прекрасное место, чтобы пережить апокалипсис, если не учитывать единственный недостаток: отсутствие хорошей связи.

— Привет, Рысь. Это... Агнес...

Я склоняю голову, когда старушечий голос Агнес, сопровождаемый треском, раздается в моих ушах через подкожный коммуникатор. Она связывается со мной

почти каждый день, но предпочитает не писать, а звонить, даже если мне ее плохо слышно. Я закрываю глаза, чтобы мысленно переключиться на текстовый интерфейс для отправки сообщений, но ее голос вновь прорывается вместе с помехами.

— Срочно... опасность...

Ее голос стихает. Даже помех не слышно.

Я кружусь на месте, затем взлетаю вверх по склону горы.

— Агнес? — кричу я.

Чертовы русские спутники. Им уже лет сто, но это все, что у нас есть, с тех пор как «Картакс» захватил все остальные коммуникации на планете. Мой коммуникатор хорошо принимает текстовые сообщения в хижине, но каждый раз, когда мне хочется с кем-то поговорить, приходится бежать почти километр в гору.

Вновь раздаются помехи.

— ...слышишь меня... Рысь?

— Держись! — кричу я, мчась по скалистому склону.

Тропинка, петляющая между деревьями, все еще влажная после вчерашнего дождя. Соскальзывая и пытаясь сохранять равновесие, я мчусь вверх.

Агнес может быть ранена. И сейчас она в полном одиночестве. Старушка — крепкий орешек, к тому же вооружена, но в этом мире есть вещи, с которыми и ей не справиться. Вещи, от которых нельзя вылечиться.

— Я почти добралась! — кричу я, заставляя себя сделать последний рывок.

Я вылетаю на поляну на самой вершине и сгибаюсь пополам.

— Агнес? Ты в порядке? Ты слышишь меня?

В ушах тишина, нарушаемая лишь эхом от передачи звука спутником, а затем вновь раздается голос Агнес.

— Я в порядке, Рысь. Не думала, что напугаю тебя.

Я падаю на колени в траву, пытаюсь отдышаться.

— У меня чуть сердечный приступ не случился.

— Прости. Но зато теперь я знаю, как заставить тебя отвечать на звонки.

Я закатываю глаза и убираю с лица мокрые от пота волосы.

— Что такого срочного?

— Ты на своем холме?

— Ну, теперь да.

Она хихикает, и ее голос прерывается помехами.

— Мне только что позвонил один из местных жителей. Они заметили джип в твоём районе. Черную громадину. Ты видишь что-нибудь оттуда?

Я поднимаюсь на ноги и осматриваю лес. Отсюда в ясный день можно видеть местность на многие километры вокруг. Передо мной раскинулись гранитные скалы Блэк-Хилс, окутанные соснами, усеянные озерами и паутиной дорог, укрытых листвой. Еще два года назад шоссе на восток в темное время постоянно освещалось фарами проезжающих автомобилей, по небу летали самолеты в Рэпид-Сити, а сквозь деревья виднелся свет от окон домов. Но сейчас холмы лежат в темноте, а шоссе кажется пустой черной полосой.

Дома заколочены, земля в воронках. Меня тошнит от одного этого вида, но только здесь у меня отлично ловит приемник.

— Не вижу никаких фар, — бормочу я. — Возможно, они используют тепловизоры. Ты уверена, что это был джип?

— Мне сказали, что он выглядел совершенно новым. Должно быть, это «Картакс».

Волосы зашевелились у меня на затылке. Я никогда раньше не видела здесь джипов. Обычно войска «Картакса» разъезжают на замаскированных грузовиках и посы-

лают свистящие беспилотники для воздушной поддержки. Я снова осматриваю лес, напрягая зрительный модуль, пока глаза не начинают болеть.

— Я тебе звонила, — говорит Агнес. — Несколько раз за последние пару дней.

— Я торчала в лаборатории, — осматривая дороги, бормочу я. — Пытаюсь сделать порох.

— Звучит не очень безопасно.

Я усмехаюсь и провожу пальцами по чувствительной, недавно наращённой коже на ладонях.

— Ну, случилась парочка взрывов. Но ничего масштабного, с чем бы не справились мои модули.

Агнес щелкает языком.

— Рысь. Когда ты ела в последний раз?

— Ну... вчера?

— А у тебя есть чистая одежда?

Я смотрю на грязные свитер и джинсы.

— Ну...

— Немедленно приезжай ко мне, юная леди. Мне не нравится этот джип, к тому же тебе пора выбраться из этой богом забытой лаборатории хотя бы на ночь. Езжай прямо сейчас, слышишь?

Я сдерживаю смех, готовый вырваться в ответ на ее слова.

— Хорошо, Яя. Скоро буду у тебя.

— Черт побери, конечно, будешь. И захвати с собой грязную одежду.

Связь шипит и со щелчком затихает, а я продолжаю стоять с улыбкой на лице. На самом деле Агнес не моя YaYa¹, но ведет себя именно так. У нас разные ДНК, но мы разделяем еду и слезы, а с момента вспышки только

¹ YaYa — обозначение набора хромосом, при котором потомку передаются те же гены, что и у родителя.

это и имеет значение. Иногда мне кажется, что мы все еще живы только потому, что не хотим оставлять друг друга в одиночестве.

Я потягиваюсь и осматриваю лес в последний раз, прежде чем отключить зрительный модуль. Вшитая в предплечье панель, питающая все мои примочки, сжигает несколько сотен килокалорий в день даже в автономном режиме, а стол у меня не ломится от еды. Взгляд затуманивается, пока привыкают глаза, поэтому я только через секунду понимаю, что на горизонте появились клубы газа, которых там раньше не было.

— Ой-ой.

Я замираю, отсчитывая секунды, пока до меня донесется звук взрыва. Дымка поднимается вверх, а потом начинает расползаться по небу, как огромный гриб. Стая голубей разбивается на обезумевшие, испуганные вихри, которые уносятся от образовавшегося облака. Через пятнадцать секунд я слышу хлопок, а значит, эпицентр находится примерно в пяти километрах. Слишком далеко, чтобы рассмотреть детали, но мне кажется, что у облака бледно-розовый оттенок.

Как у человеческого тела, когда его клетки лопаются, выпуская в воздух туман.

Облако гидры.

Живот тут же сводит. Если ветер дует в мою сторону, то облако может меня убить. Хватит и одной секунды. Один глубокий вдох кружащих в воздухе частиц вируса, и он проникнет в каждую клетку. Тело охватит жар, запуская инкубационный период, а через две недели оно взорвется, как граната, заражая всех в радиусе полутора километров.

От него нет лекарства, нет лечения. Можно лишь поддерживать иммунитет, но последнюю дозу я приняла целых двадцать шесть дней назад.

— Это... Рядом с тобой? — доносится сквозь помехи голос Агнес.

Я закрываю глаза и посылаю мысленную команду коммуникатору, чтобы переключить его в текстовый режим. Он медлительнее — мне приходится сосредотачиваться на каждом слове, — зато не нужен четкий сигнал.

«Пять километров. Дует на восток. Маловероятно, что я попаду в радиус», — посылаю я.
«Тащись сюда скорее», — отвечает она.
«Уже иду».

И ей не нужно повторять дважды.

Вернувшись к тропе, я останавливаюсь и смотрю на облако. Оно вдвое больше тех, что я видела во время вспышки два года назад. Вирус прогрессирует, а взрывы становятся сильнее. Если они и дальше будут расти, то скоро не будет смысла искать укрытие.

Я отбрасываю эту мысль и сбегая с горы, пытаюсь не вляпаться в грязь. Нет смысла паниковать из-за облака, которое так далеко, но трудно успокоиться, зная, что мой иммунитет ослаблен.

Я добегаю до деревьев и оглядываюсь назад, успокаивая себя тем, что облако далеко, и мне ничего не грозит. Я доберусь до Агнес, и она, как всегда, накормит меня чечевицей и отвратительными леденцами с лакрицей, которые делает сама. Мы растопим ее дровяную печь и поиграем в карты. Так просто. И легко. Но как только среди деревьев появляется хижина, я чувствую еще один взрыв и резко останавливаюсь.

Второе устрашающее розовое облако взмывает вверх, взметая листья. Оно так близко, что я даже забываю отсчитывать секунды до звука. Дымка клубится в воздухе, как

живое ворочающееся существо, пробирающееся сквозь лес и пугающее голубей. Ветер уносит ее от меня, но он может измениться в любое мгновение.

Это облако слишком близко. Нужно уносить отсюда ноги.

Имя Агнес всплывает у меня перед глазами, когда я мчусь с горы.

«Второй взрыв».

«ЗНАЮ», — отвечаю я, скользя к подножию холма.

«Не нравится мне это, рысь. Не стоило допускать ослабления иммунитета», — пишет она.

Мне нечего ответить, потому что она права; я поступила опрометчиво, когда перестала принимать дозы. Но у меня имелась на это причина, вот только сейчас я чувствую, как горят щеки от сознания своей глупости.

Перепрыгнув ступени, я приземляюсь на крыльцо хижины, хватаю рюкзак, нож и поднимаю винтовку, но тут же бросаю ее обратно. Мертвый груз. Я мчусь к велосипеду, старому ВМХ с поржавевшей рамой, который может проехать по лесным тропам. Затем перекидываю рюкзак через плечо, засовываю нож за пояс и вытаскиваю велосипед из кустов, где обычно его прячу. Я уже вцепилась в руль и перекинула ногу через раму, когда уловила звуковым модулем то, что заставило меня пригнуться к раме.

Шорох. Очень близко. Без звукового модуля я бы ничего не услышала, но благодаря ему могу разобрать медленные, тяжелые шаги. Кто-то, шатаясь, идет по лесу. Так двигаются зараженные люди.

Они прямо за мной, за деревьями, и приближаются.

— О черт, — выдыхаю я, чувствуя, как дрожат руки.